

Генезис отечественного памироведения

В. П. ТЕРЕХОВ

(Институт этнологии и антропологии Российской академии наук)*

Статья посвящена проблеме зарождения памироведения — нового направления в отечественном востоковедении, изучению русскими исследователями высокогорного Памирского региона в условиях так называемой Большой игры.

Ключевые слова: англо-русское соперничество, научные и военные исследования, Памир.

The Genesis of Scientific Research on the Pamirs in Russia

V. P. TEREKHOV

(THE INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article covers the problem of origin of a new direction in Oriental studies in Russia — the study on mountainous Pamir region by Russian explorers in the so-called Great Game.

Keywords: English-Russian rivalry, scientific and military research, Pamir.

Богатый материал для познания прошлого, без которого немислим анализ современности, дает наука востоковедение, или ориенталистика — совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением социокультурных аспектов жизни народов Азии и Северной Африки. В рамках одного из подразделений востоковедения — иранистики — во второй половине XIX в. зародилось памироведение. Как комплексная наука, оно ставит своей целью изучение истории, философии, религии, памятников культуры, языков, экономики и современного положения народов, проживающих на Памире.

Памироведческие исследования были инициированы в период острой политико-дипломатической борьбы между Англией и Россией — двумя крупнейшими империями мира. Огромные владения в Индии и наличие там англо-индийских колониальных войск были опорой в задуманных Британией планах завоевания или подчинения соседних с «жемчужиной британской короны» государств — Ирана, Афганистана и др. Для обоснования новых захватов на Востоке использовался тезис, будто Россия хочет напасть на Индию, и высказывались опасения о возможном вторжении туда русских войск со стороны Центральной Азии.

Во второй половине XIX столетия, особенно после завоевания и присоединения к России Средней Азии, внимание как английских, так и русских политиков, дипломатов и военных все больше обращалось на страны, находившиеся между Индией и российскими владениями. Именно в этот период на территории от Аравийского полуострова до Японских островов развернулась так называемая Большая игра, под которой понимается соперничество Британии и России, стремившихся к установлению контроля над рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах Евразийского континента.

Одним из объектов в этой «игре» был Памир — горная страна в Центральной Азии, восточную часть которой населяли кочевники-киргизы, а западную — немногочисленные восточноиранские народности — бартангцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы, шугнанцы и др. (Каландаров, Терехов, 2006; Моногарова, 1973). (Ныне и те и другие проживают в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан.) Памир представлял интерес прежде всего в силу своего стратегически важного географического положения — как пограничной территории между Азией и Европой.

* Терехов Виктор Петрович — научный редактор журнала «Этнографическое обозрение» Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Тел.: +7 (495) 938-18-67. Эл. адрес: vuvin@mail.ru

Вместе с тем вплоть до середины XIX столетия этот регион оставался *terra incognita* для европейцев. Было известно, что в Средние века китайские паломники и купцы двигались по отрезку Великого шелкового пути, пролежавшему через Памир, а первое описание этого горного края относится к VII в. и принадлежит перу китайского буддийского монаха Сюань Цзана, который возвращался из Индии через долину По-ми-ло (Памир). Сведения средневековых китайских и арабских источников немногочисленны, кратки и сбивчивы. А первый европеец — венецианский купец Марко Поло — попал в данный регион только в XIII столетии. Даже в начале 1870-х годов военное и внешнеполитическое ведомства России при составлении справок о Памире были вынуждены констатировать, что это один из самых малоизвестных уголков земного шара (Постников, 2005: 102). Они затруднялись дать определенное заключение относительно местоположения памирских владений, не говоря уже о языках, нравах и обычаях людей, там живших.

Памир оказывался недоступен для европейцев по двум причинам: во-первых, небольшие феодальные памирские княжества находились в вассальной зависимости от соседних, более могущественных государств, которые не давали разрешения на поездки туда; во-вторых, путешествия в высокогорные районы были трудны и опасны для жителей равнин вследствие тяжелых погодных условий, резких перепадов температур в течение дня, развития горной болезни, сопровождаемой кислородным голоданием и физическим утомлением, а также из-за инсоляции, частых землетрясений, камнепадов и т. п.

Несмотря на это, англичане первыми приступили к изучению не только географии граничащих с Индией на севере горных районов, но и возможных путей вторжения русской армии. Кроме того, они начали серьезное зондирование политической и экономической обстановки в Среднеазиатском регионе. С этой целью ими была создана специальная служба, занимавшаяся сбором

разведанных, а также географическими разысканиями под эгидой Королевского географического общества (Derek, 1990: 1–32). В качестве разведчиков и исследователей в одном лице выступали на территории Афганистана, Памира и Восточного (Китайского) Туркестана английские офицеры. Помимо боевой подготовки они имели хорошие знания в области геодезии и картографии, а также в инженерном деле. В сборе сведений о дорогах, перевалах, горных вершинах, водных источниках и т. д. англичанам помогали так называемые пундиты (пер. с хинди — «учителя») — шпионы из местных жителей, прошедшие специальную топографическую и геодезическую подготовку. Они прекрасно ориентировались на местности, не привлекая к себе внимания, и пользовались своим знанием языков и обычаев туземцев. О «Большой игре» и роли пундитов увлекательно написал в своем романе «Ким» Редьярд Киплинг.

Первым из европейцев, кто после Марко Поло и португальского миссионера Бенедикта Гоеса добрался до Памира, двигаясь из Кабула, был английский офицер Джон Вуд. В 1838 г. он открыл озеро Зоркуль, которое назвал именем своей королевы Виктории, и первым высказал правильные в целом предположения относительно горной системы Памира. В 1868 г. важные сведения о Восточном Памире удалось собрать английскому разведчику Дж. Хейуорду. Он составил карту этой части Памира и первым описал ее орографические черты, а также хорошо изучил систему оборонительных сооружений и вооружение важнейших крепостей Восточного Туркестана.

Активизация исследовательской и разведывательной деятельности англичан на подступах к Памиру не прошла незамеченной в военном министерстве и МИД России, о чем свидетельствуют сообщения русских разведчиков и дипломатов, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве и Архиве внешней политики Российской империи (напр.: РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 129; АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 621).

С самого начала российское научное памироведение имело прикладной характер, т. е. по своему источнику формирования являлось практическим, — для обслуживания военного и дипломатического ведомств.

Родоначальниками отечественного памироведения были военные специалисты, что дает право говорить о существовании в России военного памироведения как самостоятельного направления в исследовании Памира и Припамирья. Становление его происходило в 1870-е годы, когда Российская империя готовилась присоединить находившиеся у ее границ феодальные среднеазиатские владения — Бухару, Коканд и Хиву. Тогда же началось изучение с военно-научными целями и сопредельных с ними государств. В 1876 г. в районы Восточного Памира с военными заданиями были командированы офицеры Л. Ф. Костенко и В. А. Коростовцев, И. В. Мушкетов. В 1879 г. из Бухары в Афганистан через Афганский Бадахшан с военно-географическими целями проехал полковник Н. И. Гродеков. В 1883 г. Восточный Памир исследовал капитан Д. В. Путята.

В этот период деятельность военных памироведов была обусловлена в первую очередь военно-стратегическими задачами, связанными с выходом России к границам сопредельных азиатских государств, военно-политическим соперничеством с Англией, стратегическим планированием на случай войны с последней и подготовкой маршрутов движения войск. Позднее, к началу XX в., когда памирские княжества находились в составе Бухарского ханства — вассала России, ведущим стал военно-административный фактор — подготовка специалистов для «военно-народного управления» на территориях, подведомственных туркестанскому генерал-губернатору, проведение военно-статистических исследований и т. п.

Параллельно с военными в изучение Памира и Припамирья включились и гражданские специалисты — ученые разных специальностей, инженеры, сотрудники научных

ведомств и др. Они занимались в предгорных и горных районах геологическими, географическими, ботаническими, зоологическими и другими исследованиями. При этом отправлявшиеся в горные регионы экспедиции функционировали под патронажем научных организаций, главным образом Русского географического общества (РГО) и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. Их научно-исследовательская деятельность активизировалась после образования Туркестанского генерал-губернаторства — провинции на территории Западного Туркестана, присоединенного к Российской империи в 1867 г.

Начало систематическому изучению Памира в географическом, политическом, хозяйственном и этническом отношениях положили исследования 1869–1872 гг. биолога, географа и путешественника А. П. Федченко, прикомандированного ОЛЕАЭ к Туркестанскому военному округу. Задуманный им план организации и посылки на Памир небольшой научной экспедиции не удалось реализовать из-за сложной международной обстановки. Этот регион оставался недоступным как для англичан, так и для русских.

Ученого беспокоил тот факт, что «самое любопытное открытие географическое», т. е. проникновение на Памир, будет сделано не русскими. И британские, и российские исследователи стремились утвердить свой приоритет в научном открытии и изучении Памирского нагорья. А. П. Федченко первым проник в труднодоступные горные цепи Алая, занимающие промежуточное положение между Тянь-Шанем и Памиром, осуществил несколько плодотворных путешествий по некоторым регионам Средней Азии, однако на Памир так и не попал. Отправившись в Альпы, чтобы заняться изучением ледников, он погиб. Его дело позднее продолжили жена и сын, не раз бывавшие на Памире и собравшие обширные, главным образом ботанические, коллекции, а также изучавшие местные ледники.

В 1877–1878 гг. в горном регионе работала Фергано-памирская экспедиция под руководством зоолога и путешественника Н. А. Северцова, в состав которой входили географы, астрономы, топографы, зоологи. Исследователи изучали неизвестные ранее науке местности. Весьма важными были экспедиции натуралистов братьев Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло, собиравших в 1880-е годы сведения о хребтах, озерах и материалы по энтомологической фауне.

Таким образом, уже на начальном этапе своей истории памироведение наряду с прикладным характером приобретает сугубо научные черты. То, что ученые и натуралисты отдавали предпочтение географии, а именно орографии, гидрографии и картографии, понятно. Данный факт объясняется, безусловно, прежде всего политическими задачами, которые приходилось решать в ходе «Большой игры». Вместе с тем, осуществляя прикладные исследования, ученые-памироведы проводили разыскания и делали открытия в тех областях знаний, которые имели значение для мировой науки. Не случайно большинство исследователей Памира состояли членами РГО, ОЛЕАЭ и других научных обществ, и их работы по изучению горных регионов были отмечены медалями.

Свою лепту в становление практического и научного памироведения внесли сотрудники военного и дипломатического ведомств России. Военные миссии и дипломатические агенты доставляли в Санкт-Петербург подробные донесения о политическом положении, географии, этническом составе населения как памирских княжеств, так и сопредельных государств. Крупнейшим специалистом в области военной географии и знатоком быта памирских народов был русский генерал А. Е. Снесарев. Ценные сведения о политическом положении на Памире были собраны подполковником Б. А. Громбчевским. В АВПРИ хранятся представляющие большое значение для памироведения донесения российских политических агентов в Бухаре и генеральных консулов в Кашгаре, в которых содержатся

сведения военно-политического характера (напр.: АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 159–185; РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1540, 1545).

К началу XX в. источниковую базу памироведения составляли путевые записки, отчеты, описания, доклады, очерки, представленные военными и гражданскими специалистами-памироведами в военное ведомство, МИД России, а также опубликованные в изданиях РГО, ОЛЕАЭ и других научных обществ. Несмотря на существенную естественно-научную базу данных о Памире, специальных работ, посвященных археологии, истории и историческим памятникам, этнографии, культуре, верованиям, фольклору народов Памира и Припамирья, в России в XIX столетии было опубликовано мало (Арунова, 2006: 212). Тем не менее даже те немногие сведения, которые удалось собрать исследователям, представляли немалую ценность.

Значительный вклад в изучение материальной и духовной культуры народов Памира и становления памироведения как науки внес граф А. А. Бобринский — потомок Екатерины II. Однажды приехав в высокогорье поохотиться на местных козлов и баранов-архаров, он под влиянием своего спутника, зоолога Н. В. Богоявленского, увлекся этнографией. Не будучи профессионалом, он первым из русских исследователей доказал, что жители Западного Памира исповедуют исмаилизм — одно из направлений шиитского ислама (об исмаилизме и доисламских верованиях см.: Каландаров, 2004: 299–412). Уже в первой поездке 1895 г. он начал собирать материалы о традициях и обычаях, доисламских верованиях и особенностях языков местных народов. Совершив три экспедиции в горный край, он издал на собственные средства несколько работ, которые не потеряли своей актуальности до сих пор.

На начальном этапе пионерами памироведения были заложены основы нового направления в востоковедении и научные традиции. Им приходилось одновременно заниматься широким кругом исследований

и проявлять различные аспекты своих знаний и интересов. В сложной международно-политической обстановке и в не менее трудных природно-климатических условиях военные и гражданские памироведы утвердили приоритет русской науки. Происходило накопление полевых материалов и публикаций, расширялась тематика исследований, осуществлялось взаимодополнение разных наук. Начавшись с эпизодических, непланомерных, необобщенных исследований, практическое памироведение уже к началу XX в. обогатилось опытом и новыми знаниями. Оно вступило в стадию комплексного и систематического изучения проблем Памира и его народонаселения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 621; Оп. 486. Д. 159–185 (Коллекция политических агентств).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 129; Д. 1540, 1545 (донесения русского консула в Кашгаре).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арунова, М. Р. (2006) К истории российского памироведения // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М.

Каландаров, Т. С. (2004) Шугнанцы: историко-этнографическое исследование. М.

Каландаров, Т. С., Терехов, В. П. (2006) Путешествие в страну рубиновых гор. М.

Моногарова, Л. Ф. (1973) Памирцы // Вопросы истории. № 2. С. 213–219.

Постников, А. В. (2005) Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке.

Derek, W. (1990) The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia. Kentucky.

Научная жизнь

16 января 2011 г. Российская информационно-аналитическая газета ректоров, проректоров, преподавателей, аспирантов, студентов и абитуриентов «Вузовский вестник» опубликовала интервью с ректором Московского гуманитарного университета профессором И. М. Ильинским «Закон об образовании: что и как обсуждать». В интервью дан критический анализ нового варианта законопроекта «Об образовании в Российской Федерации» и изложены конкретные предложения по доработке этого важнейшего для образовательной системы России документа.